

РАССКАЗЫ

ВЫПУСК III

Яков Пешин
Аргос Бигбаев
Лев Протасов
Дмитрий Николов
Владислав Костромин
Рассказы 3
Серия «Крафтовый литературный
журнал «Рассказы»», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51141915
ISBN 9785449826824

Аннотация

Есть люди, что рождаются с тьмой. За Ваней Рыбниковым тьма ходит по пятам, словно ожившая тень с большими зубами. У Андрея тьма забрала друга и теперь пришла за ним, скребется когтистыми лапами под диваном. Другим тьма проникла в головы... Говорят, все люди рождаются с тьмой. Но лишь у немногих она переходит в безумие. 5 безумных историй в новом темном выпуске. Неофициальное название «Степень безумия».

Содержание

Лев Протасов	5
Яков Пешин	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рассказы: Выпуск 3.

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Авторы: Лев Протасов, Яков Пешин, Дмитрий Николов,
Влад Костромин, Аргос Бигбаев

Иллюстрации и обложка: Skitski

Составитель: Максим Суворов

Корректор: Дина Рубанёнок

Крафтовая литература, 2020

Лев Протасов

Дефект

1

Когда я появился на свет, тьма уже существовала.

В раннем детстве мне чудилось, будто она появилась вместе со мной. Позже я стал воспринимать себя как ее порождение – настолько мы срослись.

Тьма была необъятной глыбой из мягкого тумана. Она перемалывала меня, как глину, вкладывала в мою бедную голову не мои мысли, заставляла хотеть то, чего я не хотел. Я не видел глаз, не знал лица, но помню, что у нее были руки цвета пережженного кирпича. Эти руки тянулись ко мне, липли к трясущемуся телу и искали горло, чтобы... но всякий раз приходили взрослые и отпугивали ее.

Тьма. Все дело в том, что у меня от ее вида темнело в глазах.

Врач моим рассказам не поверил. Сказал, что у меня чересчур богатое воображение и в придачу панические атаки. Подозревал и еще что-то более страшное, но более страшное не подтвердилось. Взрослые тогда шибко радовались, бабушка особенно. А мне-то было невдомек, чего все радуют-

ся, если меня никто не хочет спасти.

Я говорил, что у меня странный дефект? Его обнаружили потом, в школе. Я путал метсами буквы – чаще на письме, но и в речи тоже проскальзывало. Особенно если было старшо. А на первом диктанте мне было ой как старшно!

Помню его до сих пор:

Онесь. Данва исечлиз стиржи. Оин весагд атрапляются в путь певрыми. Паследними утилают гарчи, жараванки, скавцыр, утки, кичай.

Любопытно, разобрала ли учительница хоть слово? У нее лицо было доброе. И очень худое.

Отвела к логопеду, вызвала родителей – у меня тогда от страха иголки бегали по шее, будто сзади щекотал кто, и сама шея вся сжалась. Думал, что-то плохое натворил.

У логопеда узнали, что я в шесть лет ходил к тому самому «особенному» врачу, и направили к нему же. Что-то он мне поставил, я уж не помню. Мудреное что-то. Легастению, кажется. Со временем я научился это контролировать. Поначалу каждое слово перепроверял, вносил исправления, где нужно. Затем довел письмо до автоматизма. Если сильно нервничаю, то до сих пор буквы пляшут с места на место – не так сильно, как в детстве, и друзья по переписке обычно объясняют это банальными опечатками.

В школе, конечно, сразу не заладилось. Первоклассники

знают слово «псих», а поиздеваться над психом для детишек – святое дело.

Врач не связывал мой дефект с рассказами про удушье. А я и теперь не понимаю, была ли тьма его причиной или виноваты мимолетные случайности и такая себе наследственность.

Помню день, когда впервые получил увечье. Я учился во втором и как раз пропустил занятия – вроде как болел, хотя больше, конечно, притворялся, чем болел. По телику шел «Спас» – родители частенько его смотрели, но меня богом особо не донимали. Я только знал, что крещеный, и два раза был в церкви. Мне не понравилось – страшно и громко. Хотя большой бородатый дед смотрел беззлобно и даже не ругался, когда я бегал – сказал только не кричать.

Шел «Спас» в большой комнате, и была поздняя осень, холодно – с отоплением беда, оттого я носом и шмыгал. Я играл в своей комнате, рисовал кривенького чебурашку. Уши уж очень разные получались.

Когда пришла тьма, у меня вновь мурашки по шее поползли – я ее спиной почувствовал. Сразу сердце заколотило – в ушах, знаете? Лицо разгорается, сглотнуть не можешь, и сердечко в голову прыгает и там звеинт.

Глыба мягкого тумана вжала меня в стенку. А руки кирпичного цвета ухватили за лицо и начали его мять. Разве я мог бороться с непреодолимой силой, о которой больше никто не знал? Сила эта некогда была одним огромным миром,

а жизнь барахталась лишь набором единичных клеток. Клетки слепились воедино, создали живое, и тьма должна была уйти в тень.

Это я теперь придумал – что тьма мстила жизни, ее отвергнувшей, выбирая самых слабых и беспомощных, в том числе меня.

Тогда я не думал. Просто кричал. Крик родился сам собою и рвал мне глотку. Только потом пришло осознание, и я продолжил кричать – уже не рефлекторно, а чтобы призвать на помощь.

Тут же сбежались все взрослые в доме. Нашли меня орущим у стенки. На обоях красовался так старательно сделанный мной чебурашка, но на эту шалость, конечно, никто не обращал внимания. Бабушка охала, папа пытался кое-как меня успокоить, мама плакала и звонила в больницу. Под правым глазом у меня красовались три глубокие царапины, и щеке было липко. И больно.

Под моими ногтями оказалась кровь и кожа. Врач посоветовал кучу лекарств. А беленькие полоски под глазом у меня до сих пор остались.

Мне сказали, что я сам себя оцарапал.

2

В пятом классе сменилась учительница по русскому и литературе. Пришли мы после зимних каникул в школу, а нам

и говорят – Светлана Михайловна, мол, ушла, вот вам Тамара Ивановна. Я расстроился – доброе, очень доброе лицо было у Светланы Михайловны. Хорошая она была – правда, теперь я понимаю, что ученики на ней разве что верхом не ездили, да и в классе вечно стоял шум и хохот.

Мы перескакивали почему-то из третьего сразу в пятый, и если в третьем почти все предметы вела затюканная собственной добротой Светлана Михайловна, то в пятом учителя стали разные. Меня математичка очень хвалила. Впрочем, русский и литературу у нас все равно еще две четверти вела Светлана Михайловна – от нехватки кадров, так родители перешептывались.

А Тамара Ивановна... нет, ее лицо никак нельзя было назвать ни добрым, ни даже приятным. Колючий взгляд, холодный голос, губы-ниточки.

Первый диктант назывался «Зимний сон». Жуткая тишина царила в классе – дети ждали оценок. И дети знали, что кому-то сегодня точно попадет. Пожалуй, только Катька не волновалась – отличница все же, чего ей. Помню, как-то в шестом она зачем-то частицу «не» написала слитно со всеми глаголами – и в тетрадке у нее после штабеля красных разделительных черточек все равно гордо красовалась пятерка, только подписи «Молодец!» не было. Вот так – не молодец ты, Катька, а пятерка все равно твоя.

Но это будет через год.

Я сидел у окна на предпоследней парте – мне нужно было

садиться поближе к заднему ряду, чтобы за спиной оставалось как можно меньше одноклассников. Сами понимаете, на перемене меньше наклеек с формы отдирать. Жизнь из-за накладывает ряд правил.

Шел снег. Тамара Ивановна скучно и строго зачитывала оценки, потом вдруг заулыбалась и выдала:

– Ну, и наш самый главный рекордсмен! Ваня! Рыбников! – Я похолодел. – Скажи мне, как в диктанте из семидесяти слов можно наделать девяносто восемь ошибок? Да у меня не то что глаза – у меня уши на лоб полезли от такого!

По классу прошла волна злого веселья. Кто-то прокричал шепотом (известное детское умение орать шепотом): «Окунь опять отжигает!». Тамара Ивановна эту волну ощутила и поддалась ей:

– Задний ряд, тише! Да, как изволил выразиться Дима, Рыбников у нас еще как отжигает! – Я вжался в парту. – Дети, вы знали, что есть слово «ураксили»? Его раньше не было, но Ваня сумел его выдумать! Какой неоценимый вклад в родной язык!

Дети засмеялись.

– Иван! – продолжала учительница. – В диктанте было «украсили». Ураксили – это как? Украшали и кричали «ура»? И кто тебе сказал, что букву «т» можно менять на «г»? Русский язык – пластичен, но не настолько же! Это... я не знаю, что тебе ставить! Это единица. Хотя тут, конечно, подходит только оценка минус десять.

Смеялись дети, улыбалась довольная Тамара Ивановна. Знаете, некоторые учителя из-за долгой службы заражаются от своих подопечных известным синдромом. Синдром называется – пни слабого.

После урока мне, конечно, досталось. У меня ведь не было друзей. С девчонками общаться считалось зазорным, а пацаны в классе интересовались двумя вещами – спортом типа футбола или играми. Но я был слаб, и после легендарного Диминого «Окунь в футбик не может» меня не звали даже постоять на воротах (хотя куда уж место позорнее в том возрасте). А для игр нужен был комп, которого у нас отродясь не имелось – мы вообще-то бедно жили, всей семьей в бабушкиной полуторке. Бабушка слева в большой проходной зале, родители справа в той же зале, а я в крохотной задней комнате. Какой тут компьютер.

К «окуню» я привык. Слышал и «лошок». Но в день первого зимнего диктанта благодаря отличнице Катьке я узнал, что есть на свете слово «дегенерат». Все-таки умная девка, таких слов в классе больше никто не знал.

Вечером тихо-тихо снег шел. Кто-то плакал и пел – за окном.

Тьма пришла, когда я почти спал. Нависла надо мной бледным страхом и перекрыла дыхаине. Я быркался, но ослаб и потчи сонзание потерял. Потом мне сказали, что я чуть не умер. Сказали, мама вовремя нашла меня с подуш-

кой на голове и спасла. Она вообще всегда заглядывала ко мне перед сном.

Ей утром надо было на работу. Всю ночь со мной дежурила бабушка – следила, чтобы я, чего доброго, не попытался опять себя задушить. Я говорил, что это и не я вовсе, но мне не верили.

Потом это повторялось часто. Тьма была как наваждение. Как родовое проклятье. Когда двери моей комнатки запирались и в помещении ничего, кроме ночи, не оставалось, тьма желала мне смерти глухим, утробным голосом.

После «приступов», как однажды назвала их бабушка, стали появляться царапины на руках и всем теле. Однажды тьма пришла в середине дня – я так кричал, что соседи вызвали участкового. Знатно он посмеялся над моими рассказами, а как увидел список назначенных мне лекарств – смутился и исчез.

Я на каникулах после шестого класса. По математике – пять. По русскому директриса второй раз заставила Тамару Ивановну нарисовать тройка, чтобы статистику не портить. Это вообще стало ритуалом – Тамара Ивановна в конце года артачится, директриса ее уламывает, и у меня чудесным образом возникает тройка по русскому. И по литературе тоже. Вообще по всем гуманитарным у меня тройки.

Все лето мы должны были отдыхать на даче – ее строил покойный дед, чем бабушка очень гордилась. А дача – не школа, здесь друзья у меня были. Конечно, в самом начале деревенские мальчишки встретили меня враждебно да все время шпыняли. На четвертый день я не выдержал и назвал их предводителя «дегенератом» (спасибо Кате, у меня вообще память хорошая). Это был здоровый детина выше меня на две головы – по забавному совпадению, тоже Ваня. Он ткнул меня в зубы и позвал на «стрелку», как мы это тогда называли.

Мне казалось, меня убьют. Только я все равно пошел. Ваня под общее улюлюканье сильно меня избил, но затем почему-то поднял с земли и радостно объявил о том, что я принят в «банду». Как позже выяснилось – за то, что «не зассал». С тех пор звал он меня не иначе, как тезка: «здоровя, тезка, айда с нами на пруд», «эй, тезка, приходи вечером за баней

наблюдать», «тезка, нам стрелу забили, давай с нами». Боже, как я жалел, что Ваньки не было в нашей школе – не дал бы он меня в обиду. И окунем не называл – уж это дорогого стоит.

Кстати, наблюдения за баней ничего, кроме духа авантюризма, не приносили. Это было тайное еженедельное бдение шести пацанов за участком тети Любы – ну, потому что тетья Люба была красивая и потому что только перед ее участком было небольшое возвышение, где удавалось незаметно спрятаться за прохудившимся забором и следить, не выйдет ли кто наружу. Пару раз выходил ее муж, представляя себя Адамом, – разочарование, да и только.

Еще ходили на пруд, в лягушек дули через трубочку – садизм, конечно, но не станешь же отрываться от коллектива, в который тебя приняли. Приходилось издеваться и над лягушками. Говорят, сейчас их там не водится – надеюсь, не из-за нас.

В середине июля повезло и с баней – выскочила-таки тетья Люба в полотенце. Ничего, конечно, особенного, но ощущение достигнутой цели нас не покидало. Правда, спалила она наш любопытный отряд, и дозор прекратился. Так еще, зараза такая, пошла родителям жаловаться. Бабушка и мама смущались. Папа, когда тетья Люба ушла, долго смеялся.

Беззаботным было то лето, счастливым... увы, на следующий день опять произошло. Тьма настигла, когда я учился плавать. Глыба мягкого тумана обхватила сзади, навалилась

сверху бетонной плитой и начала топить. Я воды тогда наглотался, но выплыл.

Вечером рассказал обо всем дома, и счастливое лето кончилось – мы спешно вернулись в город, весь август стал чередой походов по больницам. Сказали – аутоагрессия. Проверяли на эпилепсию – не подтвердилось.

4

Седьмой класс. Весна. Погода стоит теплая, солнышко шарашит.

Учимся в первую смену, да и последний урок отменили – биологичка болеет. Вероятно, по вполне биологическим причинам в виде, например, разгулявшегося вируса гриппа. В классе пять человек отсутствуют уже неделю.

Впереди длинный вольный день. Домашку в седьмом классе все равно почти никто не делает, домой не хочу – сидишь в этой задней комнатке, как в вольере, и бабушкино лицо то и дело в дверном проеме: хочешь то, будешь это? Бабушку я люблю, но иногда она надоедает.

Помню, сижу на школьном крыльце, читаю книгу. Мозг обиженного ребенка (подростка уже, получается) любит являть ему фантазии о вселенской мести. Так что букв не вижу особо, а больше представляю, будто год отзанимался каратэ, парту ломаю пополам ударом ладони, но сейчас вместо парты у меня башка Димки Иванченко. Легко в юном воз-

расте мечтать о мучительной смерти врагов. Смерть не кажется чем-то настоящим. Да и книга у меня под стать – автор умело подпитывает эти мысли об отмщении. Называется...

– Слышь, заморыш, дай пройти, – Дима пинает меня под зад, но, поскольку я сижу, прилетает в копчик. От боли вздрагиваю, невольно корчусь. Дима – хорошист, не гопота с района. Гопота у нас не учится.

Он садится на три ступени ниже. К нему подсаживается Степа – не шибко-то они и друзья, но кино вместе обсуждают.

– Я тут книгу читаю...

– Степаша, ты дурак? Ты че погнал, какую книгу? – Димка ржет, брызгая слюной.

– Да Кинга. Блин, по нему еще «Мизери» снимали.

– Это там, где чиканутая мужику ноги ломала? Ну, это вещь! Так и че там с книгой?

– Кэрри. Короче, телку гнобят одноклассники, а она такая, типа телепатка. Предметы там двигает и поджигает все! Отпад, киноху надо найти!

– Ну, найдешь – глянем, – Дима косится на меня и снова ржет.

– Ты че? – спрашивает Степа.

– Так, может, заморыш-то у нас тоже того... типа, телепат.

– Да не, там же телка была.

– А заморыш типа пацан? Слышь, девочка, – он подходит ко мне и кидает десятикопеечную монету – новый прикол у

пацанов, имитация оплаты для проститутки.

– Ты была хорошей девочкой, на, заслужила, – лыбится Димка сально, мерзко. Видно, что не остановится, пока до ручки не доведет – настрой у него такой нынче.

Поднимаюсь на ноги. Я выше на ступеньку, так что смотрю на него сверху вниз.

– Че встала? – говорит он мне и вдруг одним махом обхватывает меня за голову, подсекает ноги, и вот я уже кубарем качусь по ступенькам. Катиться немного – ступеней десять – но шишек я тогда насобираю будь здоров. Следом летит моя книга.

Дима небрежно прощается со Степой, вытирает о мое колено подошву и уходит.

Я медленно встаю. Девочки стайкой собрались наверху, у дверей, и глядят с пренебрежением. Отряхиваю штаны.

Подходит Степа и протягивает мне мою книгу. «Ярость» Кинга. В его глазах я вижу одобрение моего выбора. И у меня наконец-то появляется если не друг, то хоть приятель.

5

К восьмому классу со Степаном мы окончательно сдружились. Я даже бывал у него в гостях. К себе только не звал никогда – взрослые не одобряли. Чем мне запомнился Степа? У него были тупые шутки (того уровня, что если где-то употребили глагол «встать»), то эрекцию надо вспомнить

непрерывно). А еще он разговаривал, как шпана с окраины, несмотря на всю свою любовь к книгам и кино. Будем честными – мы все в том возрасте вспоминали эрекцию при слове «встать» и говорили, как шпана. Считалось, что так круче.

Обычно, когда мы собирались, Степа проходил какую-нибудь игрушку на компе, а я сидел рядом и смотрел. Так у меня появились темы для общения с одноклассниками – по крайней мере, теми, кто увлекался играми. Книжки тоже обсуждали, но гораздо реже. Обсуждали и девочек, конечно. Особенно учитывая, что некоторые из них демонстрировали чудеса акселерации. Да вот хоть Катюшка, отличница – уходила на лето ребенком, в восьмой класс пришла оформившейся женщиной (ну, так нам тогда казалось).

Появилась в классе новенькая, Лена – рыжая девочка с длинной косой. У нее на ранце была нашивка в виде лисички. Лисой ее и прозвали. Потом упражнявшийся в словообразовании Дима Иванченко слепил имя и кличку в единое «Лисолена», из которого с его же легкой подачи получилось «Сисялена». Это было глупо, но неудивительно для девочки с самой большой грудью в классе.

Не учел Дима, что новенькая очень хорошо вписалась в девичью половину нашего юного коллектива. Потому однажды вечером (а восьмой класс мы проучились на второй смене, заканчивали затемно, зато приходили к часу дня) три девчонки зажали бедного Димку в женском туалете и отпинали его каблуками – ну а что противопоставишь трем

озлобленным подросткам? Так Дима лишился статуса заводилы и потихоньку перешел в когорту школьного среднего класса, где тусуются обычные незаметные парни – не лошки, но и далеко не «лидеры мнений».

Я был рад. Мне чудилось, что случилась она – вселенская месть. А Лену даже в кино позвал. Самое удивительное, что она согласилась. Деньги пришлось тырить из папиного кошелька, но оно того стоило – и пусть на «Спасе» хоть круглыми сутками вещают о том, как плохо воровать! Я даже, как взрослый, купил ей розу, которая была предусмотрительно забыта в кинотеатре, дабы не спалиться перед мамой – ну, знаете, мамы девочек очень опасаются за их честь.

Честь, разумеется, не пострадала. И даже так называемый первый поцелуй не случился. Но – между нами – ущипнуть я ее смог. Правда, вместо принятой в кино красивой пощечины получил локтем в бочину. После удара, решив, что с меня хватит, Лена продолжила со мной гулять как ни в чем не бывало. И удар-то был слабенький, формальный, что ли, – потому опять-таки, оно того стоило.

Жизнь налаживалась. Я ходил с девочкой в кино, я мог с ней периодически гулять, у меня появился какой-никакой друг – да, жизнь точно налаживалась. Вот только тьма донимала, как прежде. Я старался скрывать ее приходы – я не хотел больше к врачу.

А она являлась по вечерам, кроила меня на свой лад, и я переставал улыбаться. Тьма словно отбирала мою жизнь и

тем продлевала свою. Она походила на тень, отчаянно цеплявшуюся за существование во плоти, существование здесь и сейчас. Давила меня, душила да все приговаривала утробным своим, тихим голоском:

– Я хочу, чтобы тебя не было. Чтобы ты никогда не рождался.

О, многие годы я засыпал под эту колыбельно-погребальную песнь, пока не спросил однажды – хрипло, едва слышно, боясь потревожить взрослых в соседней комнате:

– По... чему? Почему? Почему?!

– Ты отнял жизнь, – был мне ответ.

Я отнял жизнь. Чью?

В ноябре Степа сделал мне просто шикарный подарок – стопку журналов для взрослых. В несмышленную его башку каким-то чудом закралась догадка, что вообще-то у всех пацанов есть компы и выход в интернет, который таит в себе неограниченный спектр возможностей по поиску барышень и не только, а у его теперешнего друга с этим голяк. Лена, конечно, очень хорошая, но у Лены все самое интересное под одеждой, и в этом ее минус – так я тогда рассуждал.

Журналы старательно прятались мной в днище дивана, а сверху всегда были мои детские альбомы – на случай, если кто заглянет. Я засматривал глянцевые страницы до дыр на протяжении всей зимы, даже Лене один раз показал – та высказала свое «фи» касательно изображенных там процессов.

А по весне, десятого апреля, журналы пропали (я запомнил этот день хорошо, потому что на следующий оказался в больнице). Детские альбомы были на месте. Но под ними вместо гладенькой бумаги рука нащупала лишь деревянные доски старого дивана.

Папа мне в тот день странно подмигнул. Мама провела воспитательную беседу, бабушка сообщила, что у меня еще «не выросло».

Ближе к ночи тьма пришла снова. Ее руки цвета пережженного кирпича принесли нож и всадили его мне в ладонь. Не насквозь – откуда у слабой полутени силы проткнуть человеческую руку насквозь. Но порез вышел глубокий – кровь лилась не переставая, а сам я истошно выл.

Так, воя, с окровавленным ножом в руке я выскочил в большую комнату. Помню, бабушка закричала и схватилась за сердце. Папа с перекошенным от испуга лицом бросился отнимать у меня нож, хотя я не сопротивлялся.

В травме меня довольно быстро зашили.

До боли знакомый врач удовлетворенно диагностировал у меня расстройство личности и на две недели определил в клинику невротиков. Это была скука смертная. Пьешь таблетки, с них же дуреешь да все время лежишь – в окошечко смотришь.

В первую ночь моего там пребывания выпал снег. Да, случается, что и в апреле наступает зима. Мне почему-то представилось, как снег падает на мое лицо и закрывает глаза.

В больнице кто-то плакал, кто-то спал. А я лежал и верил, что забуду свою боль. Или покину свой дом, замерзну и загну где-нибудь в пути, и меня отыщут рано утром и похоронят, чтоб глаза никому не мозолил. Я засыпал. Были тяжелые сны. А Лена меня заочно бросила.

6

Я в десятом. Нам составили расписание на первую смену, и наши шесть уроков закачивались ближе к двум часам.

Двадцатого апреля мы сидели со Степой за компом – он проходил «Биндинг оф Айзек», где персонаж рыдал в недрах подземелья и убивал монстров своими слезами, я вдумчиво наблюдал за пляшущей картинкой на экране.

Позвонил телефон.

Степа выругался, поставил игру на паузу и взял трубку (у него еще был стационарный). Через минуту он сказал:

– Тебя, – и протянул мне телефон.

Я знал, что звонят из дома. И отчего-то похолодел.

– Да?

– Ванюша. Ванюш, – на том конце провода явно не знали, как продолжить.

– Ну?

– Вань, ты приходи домой, ладно? Бабушка умерла.

И папа повесил трубку.

Я любил бабушку. И я ненавижу апрели.

Труп похож на что-то из воска. Бабушка лежала в церкви в середине помещения. Над бабушкой пел уныло священник. Над бабушкой трясли кадилом. А лоб у нее был сальный и блестел.

Я плакал. И страшно этого стыдился – мне чудилось, что так я совсем не взрослый. Взрослые принимают горе мужественно (так я тогда думал).

Потом бабушку все обходили и целовали в лоб. Мама сказала целовать через платочек, иначе негигиенично. Я не хотел через платочек. Поцеловал голый воск.

Мертвые на себя не похожи. Мне показалось, что в бабушке не осталось ничего знакомого. И я поверил, что душа существует.

Ночью выл.

7

В одиннадцатом классе выяснилось, что вступительные экзамены во всех университетах заменены на тесты. А это означало, что я могу сдать русский. А это означало, что я могу поступать, куда угодно, ведь с остальными предметами проблем у меня не было.

И родители принялись старательно проедать мой мозг вопросами профориентации.

Помню, мама позвала на кухню и заявила:

– Иди в наш политехникум. На матмех или физику. Сейчас дефицит инженерных кадров.

– Но я не хочу.

– Сам понимаешь, с твоим русским в гуманитарии тебе путь закрыт.

– Мама, я почти не допускаю ошибок. И есть еще время, чтобы научиться не допускать их совсем.

– Ну и куда ж ты собрался, умник?

– Я... – я не знал, что сказать, и ляпнул первое попавшееся: – На философский.

– Совсем дурак? Если тебе мозгов не хватает понять, я объясню. Мы плохо живем, потому что твой папа решил, что у него есть призвание. И теперь он журналист в занюханной газетенке. А я хотела бы хорошо жить. И хотела бы, чтобы ты хорошо жил.

– По телеку говорят, хорошо жить грешно, – попытался я состричь.

На меня глянули со странным презрением и ответили:

– Я, знаешь, грешный человек. Как и все мы.

В тот момент я ее почему-то ненавидел. А ближе к выпускному решил сбежать. Даже со Степой договорился, что сразу после окончания школы перекантуюсь у него с недельку. Ну, Степа-то за любой движ был. Заранее наплел что-то там своим родителям – уж не знаю, что именно. У него вообще родители были спокойные, как два танка.

Прошел единый экзамен. Отгремел выпускной.

На выпускном я целовался с Соней – была у нас такая девочка, невзрачная, но миловидная. Поговаривают, кто-то и не только целовался в праздничном угаре – мне, увы, не свезло, Соня оказалась скромной.

От пьянки было весело и была решимость. Я вернулся домой среди ночи (даже не помню, как дошел), собрал все необходимое – точнее, то, что мне казалось необходимым с учетом моего состояния. А потом отключился на полу.

Утром выяснилось, что похмелье – это когда тело дрожит и голову будто свинцом заполнили. Я почему-то был весь в синяках, с напрочь разбитым лицом. Папа принес минералку, перекись и пластырь. От перекиси лицо жгло.

Позже я перебрал свою бунтарскую авоську – две толстовки, зубная щетка, пустая бутылка шампанского, один носок. И вправду, полный набор для побега.

Позвонил Степе и сказал, что все отменяется. Степа вообще не понял, о чем я – ему, видать, было еще хуже, он больше выпил.

В общем, провалилась моя оборона. Пластмассовый мир победил, все дела.

Хотя поступил я все же по собственному желанию. Дефект, преследовавший меня с детства, в конечном итоге определил мой выбор – детская психология. Говорят же – в психологи идут те, кто хочет разобраться в собственных заморочках.

Меня приняли в университет в другом городе. Жил я в

студенческом общежитии, то есть в каком-то смысле побег все же удался. Я был зол на родителей – зол за то, что они не верили ни мне, ни в меня. Тьма пропала на несколько лет.

8

Я выучился, остался в аспирантуре. Я вроде как перспективный научный работник, разрабатываю коррекционные курсы для детей с дисграфией. Мне теперь совсем не требуется корректор – пишу грамотно, и всякая буква знает свое место. Недавно написал большую статью «Дефекты воспитания и их влияние на неполную социализацию» – опубликовали в журнале ВАК.

Я много лет не виделся с родителями – пока не узнал об их разводе.

Папа опять женился – выяснилось, что есть женщины, которых устраивают журналисты из занюханых газетенки. Я, кстати, познакомился с его новой женой, когда приехал в родной город, – она приятная.

А потом предстояла встреча с мамой. В детстве не замечаешь многого. Например, оказалось, что мы жили в плохом районе. В детстве этот набор серых пятиэтажек казался вполне себе симпатичным.

Я шел к родному дому с чувством тревоги. Ибо где память – там слеза.

Мама стала седая и серая, что те пятиэтажки. На лицо осу-

нулась, руки у нее загрубели пуще прежнего, хотя и раньше были не очень – от домашней работы.

Обняла скупо, будто и не рада.

Мы сидели в моей старой комнате – там теперь столик, можно попить чай. Обои прежние – до сих пор на них красуется мой кривенький чебурашка, одно ухо больше да кривее другого.

– Знаешь, мою научную статью в журнале опубликовали, – говорю я. – С конференций не вылезая.

– Ну, – строго отозвалась мама. – А с деньгами-то чего? Без них ведь не жизнь.

– Я на своем месте. Это главное.

– Ой, сын. Лучше бы меня тогда послушал. Зайди на любой сайт с вакансиями – посмотри, какие там зарплаты у инженерных кадров.

Она немного помолчала и продолжила с какой-то виноватой интонацией:

– Ты был злым ребенком. Трудным. Этот еще твой дефект. Орал все детство, будто тебя режет кто. Но я действительно хотела, чтобы у тебя все получилось. Не так, как у нас с отцом. А ты что? Приезжаешь и выдаешь – я, мол, почти пошел по его стопам!

– Я был трудным?

– А легких деток разве таскают к психиатрам?

Чебурашка со стены глядит на меня не отрываясь.

– Ты был непослушным.

– Правда? И ты всерьез считаешь, что этот рисунок на стене... что... – я заговорил неровно от волнения. – Испорченные обои стоят шрамов у меня под глазом?!

– Ты меня тоже тогда оцарапал. Весь локоть разодрал.

Она замолчала.

Тьма.

ТЬ. МА.

Мать была необъятной глыбой из мягкого тумана. Она перемалывала меня, как глину, вкладывала в мою бедную голову не мои мысли, заставляла хотеть то, чего я не хотел. Я не видел глаз, не знал лица, но помню, что у нее были руки цвета пережженного кирпича. Эти руки тянулись ко мне, липли к трясущемуся телу и искали горло, чтобы... чтобы что, мама?

Яков Пешин

Хлам

– Я тебе говорю, она сама его съела.

Отец указывал пальцем на собаку. Рита, лабрадор, сидела в углу комнаты и виновато мела хвостом. Вся морда животного была перепачкана в чем-то красном.

– Ерунды не говори! Это лабр, а не ротвейлер, – резко ответила мама.

– Да какая разница кто? Инфантицид в природе – рядовое явление. – Мужчина опустил руку и зло, свысока смотрел на жену, которая упрямо не желала принять очевидное. – Как же мне надоела вся эта звероферма.

Отец привык оставлять последнее слово за собой, поэтому, не дожидаясь ответа, быстрым шагом направился в кухню.

– Мам, – негромко позвал Андрей.

– Ты почему еще не спишь? – раздосадованно напустилась та на сына. – Иди в свою комнату!

– Мам, это не Рита.

– А? Знаю. Твой папка просто ее не любит. Иди спать.

– А куда щенок пропал?

– Да откуда я знаю? Может, за дверь выбежал. Может, прячется где-то.

Щенков в доме было четверо, пока один из них не пропал. Малышей еще не привили и не водили на улицу. Спихватились только под вечер, что одного не хватает, и тут к родителям вышла недавно родившая Рита. С перемазанной чем-то красно-бурым мордой. От дружелюбной собачьей физиономии исходил специфичный, устойчивый запах крови. Разразился скандал.

В старой, давно не видевшей ремонта квартире мама решила разводить лабрадоров. Это был первый приплод. Щенки продавались не слишком хорошо, но родители воспринимали их как имущество, и пропажа повергла женщину в гнев.

– Иди умойся и марш спать, завтра в школу. – Андрей поднялся с дивана. – Нет, стой. Ты в комнате убрался, я тебя просила?

– Ага.

– Убрался? Или снова под «чебурашку» все закинул?

Диван «чебурашка» всегда находился в разложенном состоянии. Стоял он у стены и не просматривался насквозь, что позволяло швырять под диван все, что лень было донести до мусорки и что не помещалось в ящиках.

– Убрался.

Она знала, что сын врет. Но дома из-за большого количества животных и вечной занятости членов семьи всегда был беспорядок. Бороться с ним не хватало ни сил, ни времени.

– Ладно, иди.

Андрей поплелся в ванную по узкому коридору. Не особо

старательно почистил зубы, плеснул водой в лицо, рассматривая в треснувшем зеркале прыщик на подбородке. Возвращаясь, увидел, как отец мешает сахар в кофе, глядя в окно. Ложечка постукивала о стенки чашки. Мальчик прошел в свою комнату и улегся на диван, стоящий у стены. Зашла Рита, открыв носом дверь, улыбнулась своей перемазанной мордой и улеглась на полу.

Ему было одиннадцать, Риту он получил в подарок еще совсем мелким, а потом оказалось, что у мамы были свои планы на ее счет. Он не верил, что лабрадор-ретривер могла сожрать щенка. Рита была заботливой мамашкой и совершенно безобидным существом.

«А в чем тогда у нее морда?»

В комнате было темно, неудобно. Из форточки дуло. Андрей закутался в одеяло, прикрыл глаза и задумался.

«Куда же мог исчезнуть щенок? Вот был бы Тихон рядом, он бы точно что-то подсказал... Но он тоже пропал».

Тихон исчез около года назад. Прямо из его, Андрея, комнаты. Андрей отлучился принести чипсы и бутерброды с вареньем, а друг в это время испарился. Дома они были втроем: Тихон, Андрей и папа. Отец тогда пожал плечами и сказал, что друг только что ушел. С тех пор паренька никто не видел.

А на следующий день пришла полиция. Долго допрашивали их обоих, папа клялся, что лично закрыл за другом сына дверь, но те не отставали. Андрей старался подслушивать

всех, кто тогда заходил к ним домой, и так узнал, что в городе уже давно пропадают дети. Потом, правда, возвращаются – зареванные, забитые. Только Тиша так и не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.